

Когда прозвучал этот мелодичный, но раздражённый голос, Фельдграу Дуофюр направил оба своих пистолета в сторону его источника.

Однако он не выстрелил сразу, как в случае с корнями фантомного дерева, а спокойно спросил:

— «Песнь затихающего прилива», Моисей Гуппи?

Перед ним находился представитель расы русалов — его волосы касались лодыжек, глубокие и светло-синие пряди переплетались между собой. Он стоял босиком, но плавникообразные тёмно-синие уши и едва заметные чешуйчатые узоры у уголков глаз доказывали, что пришедший действительно принадлежал древнему роду Гуппи.

Его лицо — красивое; непонятно, мужское или женское — можно было назвать одним из самых безупречных, какие Фельдграу когда-либо видел. Но тот даже не моргнул. Повернув в руках огненно-красный револьвер, он нажал на курок — под громкий хлопок вылезший из стены призрачный корень обратился в чёрные угли.

Моисей, которому в последние дни везло не больше, чем кое-какому тёмному богу, отряхнул ледяные кристаллы с висящего на нём рваного белого одеяния. Внезапный выстрел его не испугал; он лишь посмотрел туда, куда был направлен ствол револьвера, и, увидев мёртвую тварь, удивлённо присвистнул.

— Что за уродливая дрянь! — сказал он. — И вот против этого сражается Инквизиция в наши дни?

— Ты знаешь, кто я, — холодно заметил Фельдграу.

«Песнь затихающего прилива» Моисей Гуппи, апостол Мелодии Раковины, исчез после смерти своей повелительницы. Почти все, кто знал о нём, считали его давно мёртвым — хотя тела так и не нашли.

Теперь он стоял рядом с «Раковиной» и укорял Фельдграу за действия в её сне. Но тогда, в том сне, взгляд, обращённый на него, не принадлежал этому русалу... Мог ли Моисей быть тем сереброглазым демоном?

— Эта мысль слишком оскорбительна, прекращай. Я не могу позволить продолжать тебе так думать, — ответил апостол Мелодии Раковины.

Фельдграу постарался держать выражение лица нейтральным.

«Чтение мыслей?»

— Нет, просто у тебя на лбу всё написано, — с лёгким презрением сказал Моисей. — К тому же, если бы это был я, я бы не стал выпускать тебя оттуда. От тебя так и разит чокнутым воякой.

Фельдграу, привыкший к подобным насмешкам, какими культисты одаривали апостола Близнецов Диссонанса, не обиделся. Всё равно все они заканчивали одинаково — смертью.

Он продолжал думать о том сереброглазом демоне. С самого прошлого вечера это существо не выходило у него из головы.

«Судя по тону Моисея Гуппи, они знакомы... Значит, тот действительно принадлежал к миру снов? Хотя не очень похоже».

Впрочем, раз он пока не появился в реальности, волноваться не стоило.

Фельдграу оборвал поток мыслей и, заметив, что Моисей оглядывает помещение, спросил:

— Откуда ты знаешь моё имя? Тебе сказал Соломон?

Так звали арх-инквизитора.

— Я читал в запрещённой библиотеке биографии всех известных апостолов, — ответил Фельдграу. — После смерти Мелодии Раковины ты, должно быть, всё это время находился в её сне. Прошло уже более девятьсот лет. Откуда тебе известно, что арх-инквизитор всё ещё жив?

«Потому что я упомянул при Лине "апостола того дракоши", и тот не уточнил, о каком именно идёт речь», — подумал Моисей, но вслух ничего не произнёс, только загадочно улыбнулся.

— За эти девятьсот лет, — сказал Фельдграу, — ты покидал сон «Раковины».

— Возможно, — всё с тем же загадочным видом ответил Моисей, который уже второй раз попал в реальность не по своей воле.

— И вчера ты тоже выходил? — уточнил Фельдграу.

— А что случилось вчера? — невинно переспросил тот.

Фельдграу, внимательно наблюдавший за ним, понял, что словами из него ничего не вытянуть. Тогда он задал другой вопрос:

— Ты ведь знаешь, что сейчас происходит что-то, связанное с миром снов?

— Могу догадаться, — насмешливо ответил Моисей. — Эта шлюха действует быстро, как всегда — нетерпеливая и ненасытная. Но, что удивительно, ты решил спросить именно меня? Я думал, апостолы Близнецов Диссонанса, увидев апостола тёмного бога, выбирают только одно действие — убить.

— Среди врагов есть те, кто опаснее других, — холодно заметил Фельдграу. — Думаешь, ты можешь сравниться с Девой Серебряной Луны?

— Вот теперь говоришь, как настоящий служитель Близнецов Диссонанса, — усмехнулся Моисей. — Да, мы враги, это факт.

Он мысленно добавил, что стоило бы привести сюда того юного, ещё не проросшего бога, который до сих пор верил, будто между ним и Инквизицией может быть нейтралитет.

— Я никогда не стану сотрудничать с людьми Инквизиции, — провозгласил Моисей, — но, если дело касается той шлюхи, дам тебе подсказку.

Он задумался на мгновение, затем пояснил:

— Хотя отсюда нельзя увидеть всё целиком, ты должен понимать одну вещь: сны всех живых существ не существуют обособленно. Как кораллы соединяются между собой, как волны омывают один раковинный грот за другим — так и сны переплетаются. Сон моей повелительницы, Мелодии Раковины, не исключение, он — лишь часть этого моря.

Моисей указал на центр комнаты, где в янтаре и лентах был запечатан сам артефакт — «Раковина».

— Дева Серебряной Луны не охотится за этой штукой, — продолжил он, — ей нужен сон, оставшийся после смерти моей повелительницы. Право на власть над снами заключено именно в нём. «Раковина» лишь самый удобный путь, чтобы попасть туда. Но есть и другие пути. Так же, как она может проецировать себя в сон через осколки — хоть и с мизерной силой, не способной изменить сам сон или захватить власть над ним. Теперь, когда она знает, что «Раковина» здесь, и что координаты сна моей повелительницы в материальном мире совпадают с этим местом, ей остаётся лишь одно — заставить множество людей вокруг впасть в сны, находящиеся под её влиянием и под воздействием силы моей повелительницы. Через эту цепь связанных снов она неизбежно найдёт её сон.

«Влияние Девы Серебряной Луны... и сила богини снов...»

Фельдграу сразу понял, о ком идёт речь, и произнёс имя:

— Листчес Азари.

— А? — Моисей, до сих пор не владевший этой информацией, приподнял брови. — Что ты сказал?

— Помоги мне присмотреть за «Раковиной», — спокойно ответил Фельдграу.

— Что? С чего бы мне помогать...

Он не успел договорить. Снежноволосый дуофюрский птицелюд достал из-за спины массивную снайперскую винтовку с устрашающим дулом, развернулся и, спокойно вставив патрон, приложился к прицелу.

Фельдграу прищурился, глядя в направлении пятого сектора. Одним глазом он прижал оптический прицел к лицу, другой его глаз на миг потемнел.

Прогрохотал выстрел.

Пламя вырвалось из ствола, и прямо в замкнутом помещении раздался громкий хлопок. При мощности этой винтовки стена запечатанной комнаты должна была разлететься в щепки, но на ней не осталось ни малейшего следа. Пуля, вылетевшая из ствола, будто просто исчезла.

Моисей, поняв, что произошло, лишь дёрнул уголком губ.

— Чистый чокнутый вояка, — пробормотал он. — Апостолы всегда копируют своих богов.

Пятый сектор. Обрушенная тюрьма.

Прибывшие запечататели уже выстроили вокруг фантомного дерева барьер, но, прежде чем он полностью вступил в силу, корни и ветви дерева успели распространиться дальше. Барьер лишь замедлил его рост.

Из-за Большого запечатывающего ритуала дерево больше не могло расти вверх, а корни — пробить перекрытия и проникнуть на третий уровень. Поэтому оно распускало ветви вдоль потолка — толстые, тяжёлые, густо покрытые зелёной листвой, которая прогибалась под собственным весом.

Подходящие ближе инквизиторы ощущали, как мягкие листья касаются их макушек, и это ощущение — едва различимое прикосновение живого растения — вызывало мурашки по спине.

Их страх усилился, когда верхушка дерева полностью заслонила потолок, а между шевелящимися листьями начали мерцать серебристые световые точки.

Дева Серебряной Луны. Она наблюдала.

После активации Большого запечатывающего ритуала даже тёмная богиня не должна была быть способна войти внутрь. Мастер Адгезии, вероятно, прямо сейчас наблюдал за происходящим — он бы ни за что не пустил Деву Серебряной Луны. Значит, часть её силы проникла в центральное отделение Инквизиции заранее, до активации барьера, и теперь, оказавшись запертой внутри, не могла быть изгнана.

«Учитывая, что Листчеса Азари арестовали более двух дней назад... неужели она использовала его как проводник, чтобы внедриться в эти стены задолго до сегодняшняя?»

Кроввирг Арабиан провёл рукой по вздыбившимся волосам на затылке и повернулся — под куполом дерева начали проступать новые призраки.

«Похоже на густой Грибной лес...»

Он опустил взгляд — по полу, где сплетались корни, вдруг потекла тонкая струйка воды.

Плавающие льдинки медленно вращались в потоке, мягко ударяясь о металлический протез его правой ноги.

Сначала инквизиторы решили, что барьер дал течь и река Райи просочилась внутрь. Но вскоре стало ясно: вода и лёд пришли из сна, сон проникал в реальность, и этот сон накладывался на здание центрального отделения Инквизиции.

Если пересечение продолжится, всё здание может оказаться затопленным.

Кроввирг скрипнул зубами и отдал приказ:

— Отступить! Создать новый барьер! Команды с элементалистами — найдите источник воды! Алхимики — срочно начните изготовление контейнеров для сжатого хранения жидкости!

Боевой дух немного упал, но инквизиторы, чётко выполняя приказы, отступили, вынося по пути оставшихся в живых заключённых — культивистов Искажения, которых не раздавило обрушением.

И тут с юга, со стороны первого сектора, в небе мелькнула вспышка — чёрный свет.

Она мчалась так быстро, что большинство глаз не успевало её уловить; лишь несколько инквизиторов подняли головы.

Чёрная вспышка врезалась в ствол фантомного дерева.

Рост дерева мгновенно остановился, и все заметили эту перемену.

Из глубины фантомного ствола раздался знакомый, дряхлый голос — голос Листчеса Азари, полный потрясения:

— Как это... возможно?!

От места попадания начали расползаться трещины; за считанные секунды древесина рассыпалась щепками, в стволе зазияла огромная дыра.

Там, где она открылась, находилось тело старого вульпийского лисолюда — больше не человеческое, почти слившееся с древесной плотью фантомного дерева. Он был его сердцем.

Почти утративший личность Листчес с трудом осознал, кто нанёс этот удар.

— Верховный инквизитор... — прохрипел он.

«Почему ты, столь молодой и бессмертный, мешаешь другим жить хоть немного подольше?!»

Сознание, разум и личность бывшего директора оказались уничтожены — жадность, пробуждённая Девой Серебряной Луны, и скверна магии богини снов сделали из него нечто иное. Когда фантомное дерево проросло из его тела, человек по имени Листчес Азари уже был мёртв.

Но рождённый демон всё ещё хранил обрывки его воли — жажду жить, стремление к спасению. Он потянул к серебряному сиянию свои изуродованные ветви... но продолжал чувствовать лишь то, как сила покидает его.

Фантомное дерево умирало. Ствол рухнул, листья опали, а гигантская крона — нереальная, не принадлежащая этому миру — рассыпалась, словно световая голограмма, которую перебил более яркий луч. Остался лишь тусклый контур, блеснувший, как мыльный пузырь, и тут же лопнувший.

Взрыв воздуха ударил во все стороны. Тени леса под деревом побледнели и исчезли,

серебристые блики между листьями угасли. Инквизиторы взревели от восторга.

— Вот это да, достойно верховного инквизитора! — воскликнул Кроввирг.

Тут же подоспела весть:

— Те, что спали и бродили во сне, начинают просыпаться!

— Значит, смерть фантомного дерева развеяла их сны... Отлично! Разбудите всех как можно быстрее! — приказал Кроввирг.

Он немного расслабился, но тут же нахмурился снова.

«Раковина» была слишком важна, а комната запечатывания изолирована — ни один сигнал оттуда не проходил. Как верховный инквизитор узнал о происходящем здесь? И не станет ли отвлечение от «Раковины» роковой ошибкой?

«Что-то всё ещё не так».

Он опустил взгляд — вода не исчезла. Теперь она доходила ему до колен, а среди льдин плавали тяжёлые глыбы льда размером с кулак.

На поверхности отражалась огромная серебристо-белая сфера, усеянная тёмными пятнами, колыхавшаяся вместе с водой.

Дева Серебряной Луны оставила Листчеса Азари, чтобы спасти собственную силу от уничтожения.

Но она всё ещё была здесь. Она взывала к резонансу.

— Тс-с!

В зале Большого запечатывающего ритуала, во втором секторе, Линь внезапно схватился за левый глаз, пронзённый болью.

А в пятом секторе Кроввирг, с ужасом глядя на лунное отражение на воде, увидел, как поверхность вздымается. За пару секунд тихая рябь превратилась в стену воды высотой в несколько метров.

Во втором секторе Линь, глядя правым глазом, увидел, как эта гигантская волна прошла сквозь стены, словно их не существовало, и обрушилась прямо на него.

<http://bllate.org/book/12612/1119989>